

Такой педантизм со стороны авторов-составителей и комментаторов снял бы много вопросов (лишь один из них — почему упомянутой в хронике группе "41 о" не нашлось места в общем разделе?).

Добавил бы основательности изданию и отсутствующий в нем именной указатель персоналий, разбросанных по многостраничному тому, а также прояснение происхождения и смыслового бытования некоторых основополагающих терминов (в том числе и ключевого "кубофутуризма").

Заметим, "научное издание" (так значится оно в исходных данных) "Русский футуризм" уже сегодня, спустя очень короткое время после своего выхода в свет разошлось на манер чейзовских детективов, что, конечно же, является косвенным свидетельством его необходимости. И то, что оно станет для многих "настойной книгой", а так же благородство задач всех тех, кто приложил труд к его появлению, сомнения не вызывает.

М.Ю.Конягин *

Б.П.Балуев. Споры о судьбах России. Н.Я.Данилевский и его книга «Россия и Европа». — М.: Эдиториал УРРС, 1999. — 280 с. **

Еще в середине восьмидесятых годов в книге, посвященной исследованию славянофильства, Н.И.Цимбаев обратил внимание на то, что Данилевскому частенько приписывают славянофильство. Но, как отметил историк, "детальный разбор всего комплекса идей Н.Я.Данилевского является давно назревшей задачей изучения русской общественной и исторической мысли" [1].

Нисколько не отводя автору этой монографии роль классика исторической науки, отметим, что он оказался абсолютно прав — дореволюционная историография детальный разбор сделать не успела, а советская — не захотела. Так что появление на свет новой книги известного своими научными трудами профессора Б.П.Балуева всеми ожидалось с нетерпением.

Монография получилась интересной. Несмотря на сравнительно небольшой объем — около 300 страниц — она сумела вместить в себя богатый и разнообразный исторический материал. Автору удалось привлечь к работе над книгой статьи и отзывы дореволюционного периода, посвященные самой книге Н.Я.Данилевского "Россия и Европа", всю полемику, которая развернулась вокруг этой работы: Б.П.Балуев не прошел мимо ни одной мало-мальски

* Конягин Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, директор редакционно-издательского центра ТОН.

** Проект 98-01-16080д.

значимой детали, что делает возможным (пусть это не покажется крамольным для просвещенного читателя) даже не заглядывать в первоисточники. Но самое отрадное (что и заставило привести выше высказывание Н.И.Цимбаева) — в том, что основой для написания книги послужили в том числе и новейшие работы, посвященный труду Н.Я.Данилевского.

Действительно, за последние 8—10 лет в сознании российских историков очень многое изменилось, и Данилевский из реакционера превратился в выдающегося мыслителя. И тем не менее это не снижает ценность посвященных ему работ С.И.Бажова, А.А.Захарова, Л.Р.Авдеевой, В.В.Афанасьева, А.Н.Аринина, В.М.Михеева и других авторов, на которые ссылается автор (с. 10). И все-таки книга Б.П.Балуева стала первым большим трудом, в котором акцент сделан прежде всего на историософской концепции Н.Я.Данилевского.

Во введении к книге автор совершенно справедливо замечает: “На повестку дня общественной мысли с особой остротой выдвинулся вопрос “Россия и Европа” (с. 6). И хотя речь идет о середине прошлого столетия, эта проблема, а вместе с ней и книга Данилевского, считает автор, стала ничуть не менее актуальной.

Б.П.Балуев совершенно справедливо разделил книгу на четыре главы. Первая посвящена судьбе Н.Я.Данилевского, вторая — собственно его историософской концепции, третья и четвертая — взаимоотношениям Европы и России со славянским миром. На наш взгляд, именно первая и вторая главы книги имеют первостепенное значение с теоретической точки зрения, а третья и четвертая скорее иллюстрируют теоретические положения второй главы и, собственно, книги самого Данилевского.

О Данилевском — его жизненном пути и научных интересах — известно достаточно много, но довольно узкому кругу историков. Б.П.Балуев великолепно восполнил этот пробел в первой главе своей книги “Судьба Н.Я.Данилевского (школа жизни, наук, общения)”. Подчеркивая огромную энергию Данилевского и его разностороннюю образованность, Б.П.Балуев пишет: “Его энциклопедический запас знаний требовал выхода. Причем этот запас отнюдь не иссякал, неуклонно пополнялся из-за его неумейной жадности к научным поискам истины в самых разных отраслях знаний и практической человеческой деятельности” (с. 28). Действительно, глава содержит практически весь известный сегодня материал о творчестве Данилевского в области естествознания, экономики, финансов, философии, внешней политики, языкознания.

Впечатляют не только разносторонние интересы Данилевского, но и круг его общения. Б.П.Балуев не случайно сделал на этом акцент — именно в совместной научной деятельности, в переписке, в постоянных дружеских встречах формировались взгляды Данилевского, многие из которых получили свое выражение в книге “Россия и Европа”. С братьями Николаем и Петром Семеновыми он учился в Царскосельском лицее и на физико-математическом факультете Петербургского университета; вместе с Ф.М.Достоевским посещал собрания кружка М.В.Петрашевского. Под руководством К.М.Бэра несколько лет провел в естественнонаучных экспедициях на Юге России. А еще были встречи с Н.Н.Страховым, Л.Н.Толстым, Д.А.Милютиным. Стоит ли говорить, что имя Данилевского среди них нисколько не затерялось.

Предмет исследования Б.П.Балуева действительно заслуживает самых высоких слов в свой адрес, и автор книги нисколько не скупится на эпитеты: "ученый-энциклопедист", "искатель истины", "новатор". Б.П.Балуев, правда, в этих эпитетах не прибавляет ничего от себя — лишь следует за друзьями и коллегами Данилевского: "глубокий мыслитель и оригинальный ученый" (К.Н.Бестужев-Рюмин), "замечательный мыслитель" (К.Н.Леонтьев), "сильный, смелый ум, независимый и самостоятельный" (И.С.Аксаков). Впрочем, автор так увлекся этими отзывами, что сам не успел заметить, как встал на позиции Данилевского и стал сторонником его идей.

Известно, что такой подход несколько искажает реальную картину событий, и вот уже предмет исследования возводится на недостижимую высоту или низвергается вниз. В случае с Б.П.Балуевым и Н.Я.Данилевским, даже если принять во внимание оговорки о "критическом отношении" и "некотором несогласии", общей картины это не меняет.

К счастью, в первой главе это не бросается в глаза явно, хотя по тексту видно, чью сторону принял автор. Так что Вл.С.Соловьев, оппонент Данилевского, предстает чуть ли не в образе "князя мира сего". Но обиднее всего, что при таком подходе могут появиться недосказанности и фактические ошибки. И они появляются.

Автор пишет, что А.И.Вышнеградский, став министром финансов в 1887 г., "фактически провел в жизнь все рекомендации... Данилевского, усилил протекционизм, укрепил финансовую систему, осуществил ряд мер по ликвидации дефицита в бюджете" (с. 34).

Это утверждение, если оно действительно верно и если действительно Вышнеградский внимательно изучил статью Данилевского "Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег", напечатанную в 1883 г. в "Русском вестнике", нисколько не согласуется с розданными последнему характеристиками и уж нисколько не прибавляет веса в глазах современного исследователя. Известно, что политика Вышнеградского на улучшение торгового и платежного балансов за счет увеличения экспорта хлеба привела не только к невиданному падению цен на хлеб в Европе, но и к страшному голоду во внутренних губерниях России.

То ли Вышнеградский невнимательно изучал Данилевского, то ли Данилевский дал неверные рецепты. По крайней мере, Б.П.Балуев оставил это без внимания.

Впрочем, на фоне остального богатого фактического материала первой главы это выглядит скорее авторской оплошностью и никак не снижает ценности работы. Правда, автор слишком уж обстоятельно пишет о Н.Н.Страхове, интенсивности его (а не Данилевского) переписки с Л.Н.Толстым, о К.М.Бэре — эти сюжеты несколько уведут от темы, так что теряется главная мысль повествования. Но это можно отнести к субъективному восприятию печатного текста, и другой читатель найдет столь пространственные отступления полезными для себя.

Ядро монографии — это, конечно, вторая глава. Именно в ней Б.П.Балуев останавливается на историософской системе Данилевского. Насыщенная фактическим материалом, самая динамичная, она труднее всего поддается анализу. В ней автор дал не только подробнейшее изложение концепции Данилевского, но и практически всю полемику, которую вызвала книга "Россия и Европа".

Б.П.Балуев совершенно точно расставил акценты в теории Данилевского и выделил основные черты концепции культурно-исторических типов:

— несостоятельность традиционного деления истории на древний мир, средние века, новую и новейшую истории европейскими учеными;

— невозможность существования единого однонаправленного восходящего эволюционного процесса;

— в рамках теории культурно-исторических типов возможен только цивилизационный поход, предполагающий мультилинейное развитие человеческой цивилизации.

“Это был взгляд, брошенный на историю не с “кочки зрения” европейской цивилизации, а с высоты космоса и одновременно — с высоты Божественного устройства всего сущего на все в человеческом мире и вокруг него. Это был взгляд на человеческую историю ученого-естественника, философа-органициста и одновременно глубоко верующего человека” (с. 62).

В связи с теорией культурно-исторических типов Б.П.Балуев излагает и другие основополагающие сюжеты книги Данилевского: формулу прогресса и понятие об общечеловеческом и всечеловеческом в сравнении с понятиями о племенном или народном.

Совершенно логично выглядит на этом фоне изложение полемики самого Данилевского, а также Н.Н.Страхова (активного популяризатора его идей) с Н.К.Михайловским, Вл.С.Соловьевым, а также отзывов К.Н.Бестужева-Рюмина, Ф.М.Достоевского, В.П.Буренина, П.К.Щебальского, И.С.Аксакова, В.В.Розанова. Это позволило автору показать весь спектр мнений о “России и Европе” и остроту дискуссии вокруг этой книги, которая шла “по нарастающей”. Несмотря на немногочисленность участников этой полемики, пишет Балуев, она имела немалое значение в развитии русской историософской мысли, тем более, что среди этих немногочисленных участников спора были самые выдающиеся русские мыслители.

Но, к сожалению, именно во второй главе начинаются трудности при анализе монографии: проявилась авторская позиция. Б.П.Балуев в разборе теории Данилевского полностью встал на позиции последнего, что превращает разбор книги о Данилевском в разбор книги самого Данилевского.

Там, где задача автора (историка, философа, публициста) состоит в том, чтобы взглянуть отстраненно на суть полемики, споров, взаимных претензий и упреков, Б.П.Балуеву сделать этого не удалось. Нет ничего страшного в том, что историк “влюбляется” в предмет своего исследования. Но тогда очень трудно настроиться на объективный взвешенный анализ. Из-за этого книга теряет свою прелесть, приобретая не нужную в данном случае односторонность.

Так что даже у такого уважаемого и серьезного автора, как Б.П.Балуев, начинает проглядывать явное пренебрежение к оппонентам Данилевского и, значит, своим собственным. “Статейки в разных энциклопедиях” (с. 65), “циничное пренебрежение” (с. 71), “фельетонно-полемический экстаз” (с. 73), “тенденциозные пассажи” (с. 99) — все эти образные, публицистические по характеру замечания разбросаны по всей книге. Они не только не прибавляют ничего к отношению автора к оппонентам Данилевского, но и отталкивают, нисколько не сообразуясь с формой научной монографии.

Получается, что автор, разрушая одни клише и стереотипы, сложившиеся о концепции Данилевского, пытается снять с него обвинения в реакционности,

тут же ставит новые штампы в личных делах его оппонентов. А это не только не помогает самому Данилевскому, но вредит ему и его концепции.

К тому же некоторые натяжки снова бросаются в глаза любому внимательному читателю монографии. Религия и быт неизменны в рамках одного культурно-исторического типа — основы, начала цивилизации не передаются от одного типа к другому, “народность” не подлежит экспорту и импорту, читаем мы у Балуева. Возникает резонный вопрос: а как же Реформация? Ведь она не только сменила католичество на протестантство, но фактически зафиксировала смену менталитета значительной части населения, принадлежащей к одному и тому же культурно-историческому типу!

Возьмем в качестве примера славянский культурно-исторический тип. Как объяснить восприятие христианства восточными славянами, которое совершенно изменило в конечном счете культурный облик Руси? Ведь, согласно Данилевскому, “народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что так сказать, стоит вне сферы народности, т.е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности” [2].

Возможно, Б.П.Балуев не придавал значения очень интересному высказыванию, которое он поместил в свою монографию. В 1868 г., отмечает автор, А.Н.Майков сообщил в письме Ф.М.Достоевскому (заметим, что книга Данилевского еще только готовилась к печати в журнале “Заря”): “Этот Данилевский — Вы его знаете — бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием “Россия и Европа”... Представьте себе: методы естественных наук, приложенные к истории — прелесть что такое! Это будет капитальное явление...” (с. 77). Поскольку основной задачей Б.П.Балуева было показать этой цитатой знакомство Данилевского с Достоевским еще со времени кружка “петрашевцев”, он как-то и не обратил внимание на то, что современного читателя, знающего не только о количественных методах исторического анализа, но и о бесподобных вариациях на тему истории математиков Фоменко и Носовского, это может “зацепить”. Особенно, когда страницей ниже Б.П.Балуев приводит еще одно мнение, которое выставляет безусловно заслуживающую внимания теорию Данилевского в весьма странном свете. К.Н.Бестужев-Рюмин в I томе “Русской истории” (СПб., 1872) высказал мысль, что “теория Данилевского гораздо больше похожа на правду, нежели немецкие теории деления народов на исторические (длинноголовые) и неисторические (короткоголовые)” (с. 78).

Третья и четвертая главы монографии Б.П.Балуева посвящены разрешению практических вопросов. Автор попытался доказать, как близка к реальности теория Н.Я.Данилевского о культурно-исторических типах. Он останавливается на самом известном и в то же время самом животрепещущем вопросе нескольких последних столетий — Европа, Россия и славянский мир. Чтобы понять, насколько эта проблема была близка Данилевскому и его современникам, достаточно вспомнить два главных события второй половины XIX в. — Крымскую войну и русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Именно на этих двух, действительно самых ярких, примерах Данилевский утверждает правоту своей теории культурно-исторических типов, иллюстрируя примерами враждебности Европы и славянского мира.

Остановимся на некоторых тезисах автора, которые, как нам показалось, составляют основу второй половины книги и при этом вызывают гораздо больше вопросов, нежели дают ответов.

Данилевский (читай — Балуев) критикует мнение европейцев о России как “гасительнице света и свободы” (с. 136). Вспомним XIX век. 1831 год — подавление восстания в Польше, 1848 год — подавление революции в Европе, 1863 год — снова Польша. Как может европеец интерпретировать эти события? Конечно, Россия в его глазах может выглядеть только как оплот обскурантизма. Чего же тут удивляться, когда в западноевропейской прессе вплоть до середины двадцатого века писали, что по улицам русских городов гуляют медведи! Так ведь то двадцатый век, а Данилевский жил в девятнадцатом.

В вопросе духовного компонента славянского культурно-исторического типа Данилевский выделил две проблемы: “европейничание” русской интеллигенции и духовный кризис католицизма и, значит, Западной Европы в целом.

Вслед за Данилевским и Б.П.Балуев пишет о “работах российских “европейничавших” ученых” (не называя, впрочем, ни одного имени — совсем в духе советской историографии) и “европейничании” интеллигенции.

Тогда нужно поставить еще один вопрос: что такое интеллигенция вообще? Весь ли образованный слой общества или только часть его? По Данилевскому и Балуеву выходит, что любой, получивший высшее образование, является интеллигентом. На самом деле это далеко не так. Интеллигенцией можно назвать лишь ту часть образованного слоя, которая впитала в себя лучшее, что выработано культурой страны, людей, которые сами делают эту культуру. Поэтому интеллигент не может оторваться от духовных корней своего народа, потому что он ими питается, он не может отказаться от собственной культуры.

Кстати, Балуев пишет, что Данилевский обличал интеллигенцию за это самое “европейничание”. Но сам Данилевский ничего подобного не говорил и не писал в “России и Европе”. Он выделил три основные формы “европейничания”, но об интеллигенции в них — ни слова. Видимо, Б.П.Балуев вспомнил об английских умывальниках и немецких машинах, которые помещики выписывали себе в деревни. Или о стремлении аристократии изъясняться на французском языке. Но трудно себе представить, чтобы кто-нибудь из русских профессоров Московского или Санкт-Петербургского университетов читал лекции на французском, а Тургенев, например, один из самых европейских русских писателей, писал по-французски свои “Записки охотника”. Да и потом: почему, в конце концов, нельзя пользоваться английскими умывальниками, если свои нехороши?

Кстати, “интеллигент” Балуева очень похож на “общечеловека” Достоевского (Кармазинов из “Бесов” — этакий лишенный национальных духовных корней интеллектуал, который “надменно усмехается над Россией, и ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы”) и космополита О.Ф.Миллера (“народность со всеми ее отличиями... представляется им началом чересчур узким и ограниченным, при том же должностующим неизбежно возбуждать рознь и вражду в человеческом роде” [3]).

Может показаться странным, но и российскому самодержавию Б.П.Балуев, в отличие, кстати, от Данилевского, приписал незаслуженные грехи. Вспоминая

об Александре III, Балуев пишет, что он "не солидаризировался по традиции "немецкого самодержавия" Романовых со всеславянским движением за единство" (с. 234). Еще не однажды автор книги указывает на немецкие корни русских царей. Но вот что странно. Современник Данилевского, А.Н.Пыпин, сторонник приобщения России к европейской цивилизации, либерал и западник, приводит в одной из своих статей высказывание Аксакова из "Записки", адресованной императору Николаю I, которого трудно было заподозрить (после событий 1825 и 1848 гг.) в симпатиях к Европе: "Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством, эгоистическим устремлением всех помыслов на одни материальные блага и гордым, безумным упованием на одни человеческие силы, на возможность заменить человеческими учреждениями Божьи установления. Вот к чему привели Запад авторитет католицизма, рационализм протестантизма и усиленное преобладание личности..." [4].

"Совершенно справедливо", — написал русский император на полях. Александр II, его сын, испытал на себе всю горечь поражения в Крымской войне и симпатизировал только своему дяде, прусскому императору Вильгельму I. Но это мало что значило — с начала 60-х гг. Германским союзом фактически управлял Бисмарк, не пользовавшийся расположением русского царя. Александр III начисто был лишен германских симпатий, а в дипломатических и военных столкновениях, например, с Англией, был непреклонен и тверд.

Так что говорить о "немецкой династии", желая показать не только ее происхождение (впрочем, частичное), но и политические пристрастия, со стороны автора по крайней мере нетактично. Как и обвинять чиновников МИДа в том, что они не противодействуют политике европейских держав по отношению к славянам и России. "Это поистине макиавеллистская политика, — восклицает вслед за Данилевским Балуев, — ибо в ней все дозволено" (с. 177).

Данилевский считал, что Россия обязана была проводить более активную политику в Европе. Но какими средствами? Она едва оправилась от поражения в Крымской войне, а часть статей Парижского мирного договора была отменена только в 1871 г. усилиями А.М.Горчакова — то есть уже после написания "России и Европы". А обвинять МИД в том, что он строит внешнюю политику по принципу сохранения политического и военного равновесия в Европе, по крайней мере неразумно: альтернативу этому еще никто не придумал.

Еще один немаловажный вопрос, который был поднят Данилевским в его книге, — православие и католицизм, ибо на этом вопросе строятся многие другие положения. На нем же подробно остановился и Б.П.Балуев. Однако, поскольку он ничего от себя не прибавил и не стал критиковать позицию Данилевского, то, видимо, и в этом вопросе их мнения полностью совпадают.

Эта тема была одной из главных в полемике Данилевского и Страхова с Вл.Соловьевым. Сама полемика, ее суть и основные эпизоды достаточно полно отражены Б.П.Балуевым во второй главе.

Теория теократического государства, которой долгое время придерживался Соловьев, утопична по своей сути. Да и пассажи против католичества, обвинения в папозеаризме и отступлениях от догматов, от истинной веры вряд ли кому-нибудь будут интересны. Так что мы опустим эти суждения,

которые не могли не появиться в книге Данилевского. Обратим внимание на то, что у Данилевского отсутствует и мимо чего прошел П.Б.Балуев. Речь идет ни много, ни мало — о состоянии православия в России XIX века, одного из знамен Данилевского.

А.С.Пругавин в одной из своих статей, посвященных расколу, приводит следующую характеристику православной церкви: “изумляющая нас сила и живучесть раскола обуславливается *исключительно* тем печальным положением, в каком находится у нас духовенство, и теми ненормальными отношениями, какие установились между народом и духовенством” [5]. Этот вывод публицист сделал не на основании отвлеченных умозаключений или слухов, а на официальной записке князя С.П.Гагарина, архангельского губернатора, написанной в 1868 г., практически в то время, когда заканчивалась работа над “Россией и Европой”.

Другая записка, относящаяся к этому же времени, составлена другим губернатором — Б.В.Струве: “Услышать с церковной кафедры проповедь, не составляющую компиляции из какого-нибудь печатного издания духовного ведомства, — проповедь, которая, касаясь обыденной жизни, давала бы уроки нравственно-гражданской жизни, в доступных пониманию простого народа формах, — такая редкость, что даже трудно указать на примере” [6].

И.С.Аксаков, которого никак нельзя обвинить в небрежении интересами православной церкви, дал такую характеристику православным священникам: “корыстолюбие, пьянство, совершенное неуважение к собственному сану, полнейшее равнодушие к вере, грубое пренебрежение к мужику, — вот что к сожалению довольно часто встречается в сословии сельского духовенства. Разумеется, есть исключения, и очень видные, но все же они редки” [7].

А вот еще одна цитата из Аксакова же. В 1850 г. он писал из Ярославской губернии домой: “Право, Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне казны, правительства, неверующего дворянства и отвращающего от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу... В здешней губернии православный значит гуляка, пьяница, табачник и невежда. Если б вы знали, как иногда делается страшно!” [8].

И это пишет человек, на знамени которого одним из символов было начертано православие. Как и у Данилевского.

А подвести черту под этой темой можно было бы цитатой из еще одного не равнодушного к православию публициста и общественного деятеля, С.Ф.Шарапова: “Звонят колокола. Идет чинная служба. Открываются церковно-приходские школы. Идут собеседования. Издаются духовные журналы. Печатаются отчеты. Православие блистает. Это одно из лучших и наиболее упорядоченных наших ведомств...”

И рядом торжественное признание полного внутреннего бессилия и духовного бесплодия” [9].

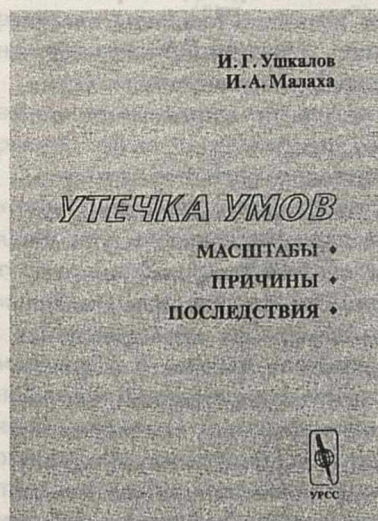
Думаю, что еще целый ряд положений книги Данилевского мог бы получить критическую оценку со стороны Б.П.Балуева. Это и “тупоумие Европы”, польский вопрос, община в России, панславизм и пангерманизм. Но и по этим существенным вопросам позиции Б.П.Балуева и Н.Я.Данилевского настолько совпадают (по крайней мере, так явствует из монографии), что, собственно, мнение современного историка трудно различимо.

И все-таки отраднo, что монография о Н.Я.Данилевском и его книге “Россия и Европа” появилась. Поток журнальных статей и статей в научных

сборниках об этом действительно выдающемся и оригинальном русском мыслителе все время нарастал, и количество в какой-то момент должно было перейти в качество. Б.П.Балуев если и не решил многих проблем в своей работе, то, по крайней мере, обратил на них серьезное внимание других исследователей. А это уже немаловажно.

Примечания

1. Цимбаев Н.И. Славянофильство. — М., 1986. — С. 89.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — СПб., 1995. — С. 85.
3. Миллер О.Ф. Русско-славянский вопрос и "начало народности". — Заря. — 1870.
4. Цит. по: Пыпин А.Н. Из истории панславизма. — Вестник Европы. — 1893. — № 9. — С. 267—313.
5. Пругавин А.С. Отчего растет раскол? Официальное решение вопроса // Старообрядчество во второй половине XIX в. — М., 1904. — С. 67.
6. Там же. — С. 86.
7. Аксаков И.С. Краткая записка о странниках или бегунах. — Русский архив. — 1866. — № 4. — С. 633—634.
8. И.С.Аксаков в его письмах. — Т. I. — С. 357.
9. Шарапов С.Ф. По поводу отбирания детей. — Русский труд. — 1897. — № 45.

Л.Л.Рыбаковский *

И.Г.Ушкалов, И.А.Малаха. Утечка умов: причины; масштабы; последствия. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 176 с. **

Кризисные переходные процессы в России, происходящие на фоне глобализации общемирового развития, перехода к информационному обществу, остро поставили на повестку дня ряд вопросов о роли межгосударственных миграций в развитии международного рынка труда научных и высококвалифицированных кадров — "утечки умов" ("brain drain").

Именно человеческий, научный потенциал стран во все большей мере определяет состояние и перспективы социально-экономического прогресса, ведь наука во все большей степени становится важнейшей производительной

* Рыбаковский Леонид Леонидович — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН.

** Проект 98-02-16014д.